

Организационно-экономическая модель борьбы с теневой экономикой, легализацией доходов, полученных преступным путем, и коррупцией: принципы и ключевые показатели

Людмила Владимировна Дончевская

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация:

Введение. Теневая экономика, легализация доходов, полученных преступным путем, и коррупция сегодня представляют собой криминальные проявления, представляющие наибольшую угрозу основам государства, т. к. обесценивают труд десятков миллионов человек, препятствуют поступательному развитию общества, ослабляют экономический и, как итог, оборонный потенциал страны. **Цель исследования** заключается в повышении эффективности существующей организационно-экономической модели противодействия криминализации экономики. **Методы.** В статье на основе данных деятельности подразделений экономической безопасности МВД России за постсоветский период истории России, с 1992 по 2025 гг., осуществлена их статистическая оценка по ключевым показателям: выявленных преступлений, установленного по ним ущерба и установленных лиц, участвовавших в преступлениях. **Результаты исследования** выявили высокую степень волатильности ключевых показателей, их неустойчивую динамику в существующей организационно-экономической модели противодействия криминализации экономики, а также длительное снижение показателя по выявленным преступлениям в пореформенный период, что было интерпретировано как свидетельство о приближении ее к критическому состоянию. В статье предложена обновленная организационно-экономическая модель социальной защиты, основанная на идее доминанты государственного интереса. Данная модель должна отвечать следующим принципам: принципу точности, ясности и выразительности терминологии, который, в частности, позволяет реабилитировать термин «борьба», обеспечить его правильное толкование и возвращение в название подразделений экономической безопасности органов внутренних дел (далее – ОВД); принципу человекоориентированного подхода, который утверждает идею приоритета ценностей и смыслов над технологией и инструментарием; принципу правовой презумпции конфискации имущества (имущественного комплекса), предоставляющему государству право на восстановление института конфискации как уголовного наказания.

Ключевые слова:

теневая экономика, экономическая безопасность, противодействие, борьба, термин, принципы, конфискация имущества

Для цитирования:

Дончевская Л. В. Организационно-экономическая модель борьбы с теневой экономикой, легализацией доходов, полученных преступным путем, и коррупцией: принципы и ключевые показатели // *Экономическая политика и национальная безопасность*. 2026. № 2 (4). С. 32–46.

Информация об авторе:

Дончевская Л. В. – кандидат экономических наук, доцент Санкт-Петербургский университет МВД России (Российская Федерация, 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1) доцент кафедры экономической безопасности luda_d65@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0534-3788>

Original article

The article was submitted March 10, 2026;
approved after reviewing April 20, 2026;
accepted for publication April 30, 2026.

Organizational and economic model for combating the shadow economy, money laundering, and corruption: principles and key indicators

Ludmila V. Donchevskaya

Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Saint Petersburg, Russia

© Дончевская Л. В., 2026

Abstract:

Introduction. Today, the shadow economy, money laundering, and corruption are the criminal phenomena that pose the most serious threat to the foundations of the state. They devalue the work of tens of millions of people, hold back social progress, and weaken the country's economic – and hence defence – potential. This study **aims** to improve the effectiveness of the current organisational and economic model designed to counteract the criminalisation of the economy. **Methods.** This study is based on data from the economic security units of the Russian Ministry of the Interior for the post-Soviet period (1992-2025). The analysis focuses on three key areas: the number of recorded crimes, the total established financial losses, and the number of identified offenders. **Results.** The study reveals high volatility and unstable dynamics in key indicators within the current organisational and economic model for counteracting the criminalisation of the economy. A prolonged decline in recorded crimes during the post-reform period is interpreted as evidence that the model is approaching a critical state. The article proposes an updated organisational and economic model of social protection based on the primacy of state interest. This model conforms to three principles: (1) terminological precision - accuracy, clarity, and expressiveness - which permits the rehabilitation of the term “struggle” (bor'ba) and its reintroduction into the official name of economic security units; (2) a human-centered approach prioritizing values and meanings over technology and tools; and (3) a legal presumption of asset confiscation, granting the state the right to restore confiscation as a criminal penalty.

Keywords:

shadow economy,
economic security,
counteraction,
struggle,
term,
principles,
confiscation of property

For citation:

Donchevskaya, Ludmila V. 2026. “Organizacionno-ekonomicheskaya model' bor'by s tenevoj ekonomikoj, legalizaciej dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i korrupciej: principy i klyuchevye pokazateli” [“Organizational and economic model for combating the shadow economy, money laundering, and corruption: principles and key indicators”] (In Russ.). *Ekonomicheskaya politika i natsional'naya bezopasnost' [Economic policy and national security]* 4, no. 2 (May):32–46.

Information about the author:

Donchevskaya L. V. – Cand. Sci. (Econom.), Docent
Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation)
Associate Professor of the Department of Economic Security
luda_d65@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0534-3788>

*Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше
(Евангелие от Матфея¹)*

ВВЕДЕНИЕ Среди декларируемых угроз, обозначенных в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года², можно выделить ряд системных факторов, представляющих, на наш взгляд, наибольшую социально-экономическую опасность, поскольку они не только подрывают усилия органов власти в области экономической политики, но и обладают потенциалом нанесения значительного ущерба национальным интересам государства. Это криминализация экономической сферы в той части, которая в первую очередь связана с теневой экономикой; во вторую очередь – с легализацией доходов, полученных преступным путем, и в третью – с коррупцией.

Данные факторы отнесены к системным ввиду их общекриминальной природы, тесного взаимодействия и взаимной обусловленности, что предопределяет высокую степень чувствительности состояния экономической безопасности государства к их воздействию на нее. Следовательно, оценки действующей организационно-экономической модели борьбы с преступными проявлениями в экономике и состояния экономической безопасности должны включать и показатели вышеуказанных факторов.

¹ Евангелие от Матфея. Глава 6, стих 21 // Православие и мир : [сетевое издание]. URL: <https://www.pravmir.ru/pravoslavnyj-kalendar/bibliya/51mf06.html> (дата обращения: 01.03.2026).

² О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2017. № 20. Ст. 2902.

По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат) в настоящее время уровень теневой экономики в России оценивается в пределах 10–12 % ВВП³. В стоимостном выражении при достигнутом значении номинального объема ВВП в 2025 году в объеме 213,5 трлн руб. ущерб для государства может достигать порядка 17,8–21,3 трлн руб., что составляет более половины доходов федерального бюджета (52,4 %)⁴. Кроме того, данные Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) за 2024 год свидетельствуют, что благодаря оперативному переходу кредитных организаций на новые схемы проведения финансовых операций и предпринятым банками заградительным мерам в теневой оборот не было допущено свыше 500 млрд руб., а меры, направленные на предупреждение и пресечение хищения средств, выделенных на исполнение обязательств по государственным и муниципальным контрактам, позволили пресечь незаконную деятельность участников торговых процедур на сумму около 39 млрд руб. и предотвратить от возможного хищения свыше 27 млрд руб. При этом возмещено в федеральный бюджет порядка 26 млрд руб. и возбуждено более 1,3 тыс. уголовных дел⁵.

На расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации при подведении итогов ее работы за 2024 год были приведены следующие показатели: допущено более 165 тыс. нарушений антикоррупционного законодательства; привлечены к дисциплинарной ответственности более 73 тыс. виновных должностных лиц, из которых 703 уволены в связи с утратой доверия; в пользу государства обращено незаконно нажитого имущества на сумму более 504 миллиарда руб., тогда как за предыдущие пять лет, с 2019 по 2024 гг., было изъято более 760 млрд руб.⁶

Вышеприведенные данные носят оценочный характер, но тем не менее позволяют высказать предположение (гипотезу) о приближении к критическому уровню стратегической неопределенности, о поступательном усилении антагонистических противоречий между сложившимися на настоящий момент организационно-экономической моделью противодействия криминализации экономики и моделью теневой экономической преступности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ Существующая организационно-экономическая модель противодействия криминализации экономики зародилась в постсоветский период, когда в общественное сознание проникли мифы о невидимой руке рынка, романтике предпринимательского труда, когда гипертрофированное представление о прибыли, стремление к ее максимизации и извлечению любыми путями из любых ресурсов представлялось настолько естественной, насколько непререкаемой истинной.

В рамках данной модели с 1992 года в системе МВД России было образовано первое структурное подразделение – Главное управление по экономическим преступлениям (ГУЭП МВД России). С 1997 года Главное управление по экономическим преступлениям МВД России переименовывается в Главное управление по борьбе с экономическими преступлениями (ГУБЭП МВД России), а в 2005 году – в Департамент экономической безопасности (ДЭБ МВД России). Последняя реорганизация подразделений экономической безопасности прошла в ходе реформы органов внутренних дел в 2010–2012 гг., в ходе которой головная структура получила название Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции (ГУЭБиПК МВД России).

Деятельность вышеуказанных подразделений экономической безопасности МВД России за постсоветский период истории России, с 1992 по 2025 гг., можно охарактеризовать

³ Силуанов оценил долю теневой экономики в России // РИА Новости : [сетевое издание]. URL: <https://ria.ru/20251022/siluanov-2049915808.html> (дата обращения: 01.03.2026).

⁴ Росстат представляет первую оценку ВВП за 2025 год // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) : [официальный сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/313/document/277380?print=1> (дата обращения: 18.03.2026).

⁵ Годовой отчет о работе Федеральной службы по финансовому мониторингу, 2024 год // Федеральная служба по финансовому мониторингу : [официальный сайт]. URL: <https://www.fedsfm.ru/activity/annual-reports> (дата обращения: 03.16.2026).

⁶ Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры // Президент России : [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76484> (дата обращения: 24.03.2026).

на основе статистических данных по преступлениям экономической направленности с привязкой к периодам реформирования либо организационно-штатных преобразований (таблицы 1–4).

Таблица 1 – Статистические данные по преступлениям экономической направленности за 1992–1996 гг.

Table 1 – Statistical data on economic crimes, 1992–1996

Год	Количество выявленных преступлений	Установленный ущерб по выявленным преступлениям, млн руб.	Установлено лиц, участвовавших в преступлениях
1992	103 874	2 254	101 020
1993	121565	39 425	81 380
1994	142 665	164 831	86 300
1995	158 542	1 073 403	87 708
1996	178 307	2 118 750	95 150
1997	218 909	13 410 430	183 566

Источник: составлено авторами на основе данных⁷ (Тишков, Алабердеев и Латов 2007; Сафин 2015).

Как видно из таблицы 1, количество выявленных преступлений выросло за пять лет более чем в два раза; лиц, участвовавших в преступлениях, – в 1,82 раза; размер ущерба за данный период вырос на четыре порядка – в 5 950 раз и достиг рекордного значения – 13 410 430 млн руб.

Таблица 2 – Статистические данные по преступлениям экономической направленности за 1998–2004 гг.

Table 2 – Statistical data on economic crimes, 1998–2004

Год	Количество выявленных преступлений		Установленный ущерб по выявленным преступлениям, млн руб.	Установлено лиц, участвовавших в преступлениях
	правоохранительными органами	из них ОВД / %		
1998	252 389	—*	20 136	211 969
1999	303 822	—*	27 477	262 653
2000	376 367	—*	37 179	234 189
2001	382 406	—*	66 120	237 130
2002	374 976	—*	59 640	206 469
2003	376 791	—*	75 469	140 435
2004	402 359	175 663 / 43,7	75 107	159 023

Примечание – * Нет данных за период 1998–2003 гг.

Источник: составлено авторами на основе данных⁸ (Тишков, Алабердеев и Латов 2007; Сафин 2015).

Как видно из таблицы 2, тенденция роста выявленных преступлений за семь последующих лет сохранилась: рост за рассматриваемый период составил 1,59 раза; количество лиц, участвовавших в преступлениях, уменьшилось в 0,75 раза; размер ущерба вырос в 3,73 раза.

⁷ Состояние преступности : 2015–2025 // Министерства внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://мвд.рф/reports/2/> (дата обращения: 22.03.2026).

⁸ Там же.

Таблица 3 – Статистические данные по преступлениям экономической направленности за 2005–2009 гг.

Table 3 – Statistical data on economic crimes, 2005–2009

Год	Количество выявленных преступлений		Установленный ущерб по выявленным преступлениям, млн руб.	Установлено лиц, участвовавших в преступлениях
	правоохранительными органами	из них ОВД / %		
2005	437 710	201 235 / 46,0	595 972	162 225
2006	489 554	226 117 / 46,2	127 600	182 550
2007	459 198	225 966 / 49,2	223 800	132 034
2008	448 832	226 620 / 50,5	142 500	114 182
2009	428 792	410 333 / 95,7	1 075 700	106 115

Источник: составлено авторами на основе данных⁹ (Тишков, Алабердеев и Латов 2007; Сафин 2015).

Данные таблицы 3, в отличие от таблиц 1 и 2, позволяют дать оценку не только деятельности всех правоохранительных органов в совокупности, но и отдельно подразделений по борьбе с экономическими преступлениями ОВД.

Анализ данных по подразделениям по борьбе с экономическими преступлениями ОВД показывает стойкую тенденцию роста выявленных преступлений – в два раза; снижение числа лиц, участвовавших в преступлениях – в 0,65 раза; при этом увеличение размера ущерба – в 1,8 раза. Обращает на себя внимание двукратный рост в 2009 году доли участия сотрудников ОВД в раскрытиях – с 50,5 % до 95,7 % и далее со снижением показателя, но не ниже доли в $\frac{3}{4}$ по сравнению с общими цифрами за правоохранительные органы в целом.

Таблица 4 – Статистические данные по преступлениям экономической направленности за 2010–2025 гг.

Table 4 – Statistical data on economic crimes, 2010–2025

Год	Количество выявленных преступлений		Установленный ущерб по выявленным преступлениям, млн руб.	Установлено лиц, участвовавших в преступлениях
	правоохранительными органами	из них ОВД / %		
2010	276 435	264 250 / 95,6	176 420	77 453
2011	202 454	190 800 / 94,2	160 710	48 975
2012	172 975	162 617 / 90,0	144 850	37 989
2013	141 229	130 000 / 92,0	229 860	38 390
2014	107 797	96 583 / 90,0	194 560	35 357
2015	112 445	97 929 / 88,0	271 490	36 005
2016	108 754	93 470 / 85,9	397 980	36 882
2017	105 087	89 236 / 84,9	234 300	36 058
2018	109 463	93 232 / 85,2	403 800	33 574
2019	104 927	88 745 / 84,6	447 200	29 205
2020	105 480	88 525 / 83,9	339 500	28 084

⁹ Состояние преступности : 2015–2025 // Министерства внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://мвд.рф/reports/2/> (дата обращения: 22.03.2026).

Окончание таблицы 4

Год	Количество выявленных преступлений		Установленный ущерб по выявленным преступлениям, млн руб.	Установлено лиц, участвовавших в преступлениях
	правоохранительными органами	из них ОВД / %		
2021	117 707	96 532 / 82,0	641 900	35 543
2022	111 429	91 163 / 81,8	339 100	36 818
2023	105 257	85 357 / 81,1	311 100	37 314
2024	105 437	83 796 / 79,5	295 700	39 305
2025	107 180	82 320 / 76,8	363 400	40 032

Источник: составлено авторами на основе данных¹⁰ (Тишков, Алабердеев и Латов 2007; Сафин 2015).

Анализ данных таблицы 4 показывает заметное снижение выявленных преступлений за рассматриваемый период – в 0,31 раза; уменьшение числа лиц, участвовавших в преступлениях, – в 0,65 раза; при этом размер ущерба вырос более чем в два раза.

Можно также отметить в сравнении с предыдущими периодами разнонаправленные и разноскоростные тенденции: с одной стороны, плавное снижение числа выявленных преступлений ОВД, с другой – резкий рост размера установленного ущерба на 20 % и 206 % соответственно.

Далее в рамках взятой периодизации проведем сравнение динамики числа выявленных преступлений, в т. ч. ОВД, с показателями установленного ущерба (таблица 5).

Таблица 5 – Сравнительная оценка основных показателей деятельности подразделений экономической безопасности за 1992–2025 гг.

Table 5 – Comparative assessment of key indicators of economic security unit performance, 1992–2025

Структурные подразделения	Период (годы)	Рост показателя оценки за период (во сколько раз)		
		Выявленные преступления	Участвовавшие в преступлениях	Установленный ущерб
Главное управление по экономическим преступлениям (ГУЭП МВД России)	1992–1996	2,1	1,82	5 950
Главное управление по борьбе с экономическими преступлениями (ГУБЭП МВД России)	1997–2004	1,59	0,75	3,73
Департамент экономической безопасности (ДЭБ МВД России)	2005–2009	2,04	0,65	1,8
Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции (ГУЭБиПК МВД России)	2010–2025	0,31	1,93	2,05

Источник: составлено авторами на основе данных¹¹.

Из анализа данных таблицы можно сделать ряд любопытных выводов: во-первых, показатели участвовавших в преступлениях и установленного ущерба от периода к периоду

¹⁰ Состояние преступности : 2015–2025 // Министерства внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://мвд.рф/reports/2/> (дата обращения: 22.03.2026).

¹¹ Там же.

синхронно снижаются, обнаружив неожиданный рост в пореформенный период, начиная с 2010 года; во-вторых, показатель по выявленным преступлениям имеет осциллирующий характер: пики роста за 1-й, 3-й периоды и спады за 2-й, 4-й периоды. Однако в пореформенный период спад принял по сравнению со вторым периодом достаточно крутой характер, отличаясь от него более чем в пять раз.

Такая динамика, показывающая высокую степень волатильности ключевых показателей оценки, свидетельствует о неустойчивости существующей организационно-экономической модели противодействия криминализации экономики, а пятикратный спад показателя по выявленным преступлениям говорит о приближении ее к критическому состоянию.

В противовес ей сложившаяся модель теневой экономики в ее криминальной части в рамках установленных преступных проявлений (охватывают б1 статью и подстатью главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации¹² (далее – УК РФ) «Преступления в сфере экономической деятельности») занимает в количественном отношении одно из первых мест, сформировав к настоящему времени «устойчиво повторяющиеся стадии (фазы), инвариантные конкретному содержанию любой систематически и планомерно реализуемой преступной деятельности в сфере экономики. В качестве таковых можно выделить генерирование преступного дохода, легализацию или отмыwanie доходов, полученных преступным путем; потребление; воспроизводство криминальной экономической деятельности и инфильтрацию их в легальный бизнес» (Титов и др. 2020).

В целях выявления каналов сбыта преступного дохода, полученного в ходе криминальной экономической деятельности, представляет интерес разработанная экспертами Центрального банка Российской Федерации и Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) методология, используемая для описания и оценки рисков легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма (ОД/ФТ), позволяющая на секторальном уровне рассчитать рейтинг секторов финансового рынка по числу способов ОД/ФТ.

По итогам анализа ОД/ФТ за 2025 год было установлено следующее: из 14 секторов финансового рынка сектор кредитных организаций (КО) лидирует в относительном рейтинге по количеству способов, используемых недобросовестными клиентами для возможного ОД и ФТ: было зафиксировано 45 способов (схем) ОД и два вида риска, связанных с привлечением и перемещением денежных средств для ФТ. Второе место в относительном рейтинге занимает сектор субъектов рынка микрофинансирования (СРМ), в котором в анализируемый период отмечались проявления 20 способов (схем) ОД разной степени вероятности. Сектора управляющих компаний инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов (УК), профессиональных участников рынка ценных бумаг (ПУРЦБ) и субъектов страхового дела (ССД) по количеству способов (схем) ОД находятся на сопоставимом уровне и составляют 9, 5 и 5 способов (схем) ОД соответственно (рисунок 1).

Подводя итог выполненного анализа, можно с высокой степенью вероятности констатировать: показатели, характеризующие существующий уровень организационно-экономической модели противодействия криминализации экономики следует интерпретировать как маркеры приближения к критическому уровню стратегической неопределенности, а усиление антагонистических противоречий между моделью противодействия криминализации экономики и моделью теневой экономической преступности требует пересмотра существующей и построения обновленной эффективной модели (назовем ее организационно-экономической моделью социальной защиты), главной парадигмой для которой могла бы стать идея государственного строительства, или State Building по Ф. Фукуяме.

¹² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Наименование сектора финансового рынка	Уровень риска по итогам СОР	
	ОД	ФТ
Сектор кредитных организаций	● Повышенный	● Повышенный
Сектор субъектов рынка микрофинансирования	● Повышенный	● Низкий
Сектор профессиональных участников рынка ценных бумаг	● Повышенный	● Низкий
Сектор субъектов страхового дела	● Умеренный	● Низкий
Сектор управляющих компаний инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов	● Умеренный	● Низкий
Сектор негосударственных пенсионных фондов	● Низкий	● Низкий
Сектор иных видов некредитных финансовых организаций	● Низкий	● Низкий

Источник: составлено авторами по материалам, подготовленным службой финансового мониторинга и валютного контроля Банка России¹³.

Рисунок 1. Относительный рейтинг секторов финансового рынка по количеству способов, используемых недобросовестными клиентами для возможного ОД и ФТ

Figure 1. Relative ranking of financial market sectors by number of methods used by unscrupulous clients for potential money laundering and terrorist financing (ML/FT)

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ Построение обновленной эффективной организационно-экономической модели социальной защиты, как нам видится, возможно при соблюдении определенных принципов.

1. Одним из них может служить принцип точности, ясности и выразительности терминологии, используемой в качестве языка для специальных целей в сфере экономической безопасности (Kahler 2004).

Как известно, научный аппарат всякой профессиональной деятельности зиждется на соответствующих знаковых средствах, на системе понятийных элементов языка для специальных целей (Головин 1970), называемых терминами. Задача такого аппарата – наработать систему терминов, которые бы позволяли решать профессиональные задачи с высокой степенью результативности (Abdykadyrova 2021).

Среди специальной лексики, активно используемой в теории экономической безопасности, обращает на себя внимание термин-бином «противодействие–борьба» (Zald and Useem 2017). Данный термин-бином употребляется довольно часто в нормативно-правовых актах, в исследовательских работах, в выступлениях политических и научных деятелей.

Контент-анализ термина-бинома «противодействие–борьба», проведенный только по ключевым документам стратегического уровня на определение частоты их употребления, показал следующее (таблица 6).

Соотношение 1:1 в таблице 6 свидетельствует о кратном различии в употреблении термина-бинома «противодействие–борьба», о практике предпочтения термина «противодействие» термину «борьба». Разберем дефиниции данных терминов и выясним, насколько оправдан такой подход и насколько целесообразно выполняют они свои сигнификативную, коммуникативную и когнитивную функции (таблица 7).

¹³ Отчет о секторальной оценке рисков легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма // Центральный банк Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: https://www.cbr.ru (дата обращения: 24.03.2026).

Таблица 6 – Соотношение частоты употребления термина-бинома «противодействие–борьба» в документах стратегического уровня

Table 6 – Frequency ratio of the binomial term “counteraction–struggle” (protivodeystvie–bor’ba) in strategic policy documents

Место упоминания	Частота упоминания термина	
	«противодействие»	«борьба»
Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» ¹⁴	59	6
Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» ¹⁵	47	4
Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» ¹⁶	5	1
Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма ¹⁷	33	5
Указ Президента Российской Федерации о национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 гг. ¹⁸	91	5
Итого:	235	21
Примечание – Соотношение 11 : 1.		

Источник: составлено авторами.

Таблица 7 – Дефиниции терминов «противодействие» и «борьба»

Table 7 – Definitions of the terms “counteraction” (protivodeystvie) and “struggle” (bor’ba)

Название термина	Содержание дефиниции
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ	Действие, служащее препятствием к проявлению, развитию другого действия, сопротивление. По законам механики действие равно противодействию*
	Действие, препятствующее другому действию. Действие равно противодействию**
БОРЬБА	Деятельность, направленная на преодоление, уничтожение чего-нибудь. Деятельность, направленная к достижению какой-нибудь цели*
БОРОТЬСЯ	С кем-чем, против кого-чего. Сражаться или состязаться, стремясь победить. С кем-чем, против кого-чего. Стремиться уничтожить, искоренить**
Примечания: *	Источник: Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка : онлайн // Толковый словарь Ушакова : [сайт]. URL: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=61070 (дата обращения: 15.03.2026).
**	Источник: Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : онлайн // Толковый словарь Ожегова : [сайт]. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=2054 (дата обращения: 15.03.2026).

Источник: составлено авторами.

¹⁴ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3418.

¹⁵ О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

¹⁶ СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

¹⁷ Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (утв. Президентом Российской Федерации 30.05.2018) // Президент России : [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5310> (дата обращения: 24.03.2026).

¹⁸ О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы : Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 (ред. от 26.06.2023) // СЗ РФ. 2021. № 34. Ст. 6170.

Как видно из таблицы 7, с сигнификативной стороны термины «противодействие» и «борьба» выражают смежные, но не идентичные понятия: при переводе с ментального на словесный уровень термин «противодействие» означает действие, «*служащее препятствием к проявлению, развитию другого действия*», «сопротивление» ему, в то время как термин «борьба» – это деятельность, направленная на «*преодоление, уничтожение*» чего-нибудь и *достижение какой-нибудь цели*.

Коммуникативная функция у рассматриваемых терминов также различается. У термина «противодействие» коммуникативная функция выражает собой возможность действия, препятствующего другому действию, полагая обязательный и равный ответ. Термин «борьба» передает сигнал о решительности и бескомпромиссности сражения (состязания), о невозможности примирения, отступления или сдачи. Более того, в глагольной форме термин «борьба» – «бороться» – означает не только «*сражаться или состязаться*», но и в т. ч. «*стремление победить, то есть уничтожить, искоренить*» то, против кого-чего ведется борьба.

И последняя функция, когнитивная, термина «противодействие» выражает собой то свойство физического мира, где поведение участников в рамках «действие-противодействие» объясняется в логике частных случаев проявления всеобщего закона сохранения энергии. В отличие от термина «противодействие» когнитивная функция термина «борьба» указывает на неотъемлемую и сильную сторону социальной формы жизни, в которой борьба есть необходимое и достаточное условие выживания и развития социального (биологического) организма.

Данный аспект терминологии экономической безопасности был затронут в работах представителей отечественной научной мысли. К. В. Вишневецкий, обращаясь к проблемам уголовно-правовой лексики, обратил внимание «*на бессистемность употребления в научных работах в области уголовного права терминов „борьба“ и „противодействие“, а также на не вполне обоснованное отождествление данных терминов и придание им статуса синонимов*». И далее: «*методы уголовного права, не являющиеся по своей природе действиями, не могут характеризоваться как противодействие преступлениям, а представляют собой форму и методы борьбы с преступностью как социально-правовым явлением <...>. На наш взгляд, противодействие преступности как социально-правовому явлению невозможно; противодействие возможно лишь конкретным преступлениям, тем, о которых известно, множественность которых, в числе прочего, образует преступность <...>. „Борьба“ – понятие более широкое, содержательно включающее в себя понятие «противодействие» <...>. Подобного рода <...> терминологическая бессистемность прослеживается <...> не только в законодательных актах, но и в правовой доктрине, что не способствует соблюдению точности, логической последовательности и непротиворечивости и, соответственно, юридической грамотности языка уголовного закона как одному из основных условий его правильного применения и единообразного толкования в соответствии с „духом закона“, его истинным содержанием и смыслом, закладываемым законодателем в его форму» (Вишневецкий и Трофименко 2013).*

Следовательно, реализация принципа точности, ясности и выразительности терминологии позволит не только определиться с ролью и местом терминов в теории экономической безопасности, но и в рамках построения обновленной эффективной организационно-экономической модели социальной защиты обозначить приоритеты в отношении криминальной экономики, а именно: в форме борьбы, а не в форме противодействия экономической преступности должна осуществляться практическая деятельность подразделений ЭБиПК МВД России всех уровней.

2. Следующим принципом обновленной эффективной организационно-экономической модели социальной защиты видится принцип человекоориентированного подхода, в основу которого положена идея приоритета ценностей и смыслов над технологией и инструментарием.

При анализе одного из фундаментальных документов в сфере экономической безопасности, Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года¹⁹,

¹⁹ СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

разработанной и принятой в 2017 году, обращают на себя внимание такие ее недостатки, как оборонительный концепт, перегруженность констатациями очевидных оценок, рутинизация большинства предлагаемых мер, которые дают общее представление о вызовах и угрозах экономической безопасности, направлениях, задачах и механизмах их реализации вплоть до формулировок целевых параметров, однако оставляют за рамками стратегии ресурсное их обеспечение – и в первую очередь со стороны человеческого потенциала.

Стратегия, ее архитектура и замысел в настоящем виде обеспечивают примат рациональности над человекоориентированным подходом, приоритет методов и технологий над ценностями и смыслами, пресуппозицию несомненного и гарантированного успеха без упоминания субъекта выполнения задач.

Этим можно объяснить, несмотря на прилагаемые значительные усилия со стороны подразделений экономической безопасности, волатильность показателей участвовавших в преступлениях и установленного ущерба по выявленным преступлениям и стойкую тенденцию снижения показателей по выявленным преступлениям за пореформенный период (таблица 5).

Как было установлено экспертами еще во второй половине прошлого века, производительность труда инженерного состава, научных работников и, с высокой степенью вероятности можно полагать, других категорий работников составляет 10 % от его потенциальных возможностей (Воробьев 1975).

Это привело к образованию целого слоя институций в различных сферах экономики и управления, независимо от формы собственности, структуры и размеров, представляющих ту или иную форму имитационной модели прогресса, иллюзии движения, которую внешний наблюдатель характеризует как бег на месте вместо стремления к развитию, к усиленному вкладу в рост общественного благосостояния, к достижению высших экономических показателей.

По этому поводу известный американский ученый и управленец писал: *«Если бы мы могли объединить все цели и идеалы, вдохновляющие организацию сверху донизу, собрать их таким образом, чтобы все они действовали в одном и том же направлении, то результаты получились бы колоссальные... Но поскольку на деле все они тянут в разные стороны, равнодействующая часто оказывается очень слабой, а иногда и просто отрицательной»* (Эмерсон 1972, с. 43).

В этой связи можно привести риторическую фразу: *«Кто создает высшие достижения? Триумвират – герой, гений, святой!»*²⁰.

Однако герои, гении и святые не рождаются в пустыне. Они – продукт целенаправленной работы обладающих властью, ресурсами и авторитетом, создающих благоприятные возможности для реализации ими природных талантов, относящихся к той категории, которую можно объединить под общим выражением *«руководители»*. *«Руководитель должен уметь влиять на своих подчиненных и приучать их работать по внутреннему убеждению, а не из-за страха перед взысканием. Подчиненные ценят внимание, участие, расположение и личную доброту не меньше, чем премии, награды и другие поощрения»* (Парамонов 1983).

Следовательно, на повестку дня выходит, скажем так, проблематика ценностей и смыслов, создание на ее основе такой организационно-экономической модели социальной защиты (идеократической модели, по В. Багдасаряну), в которой идея приоритета ценностей и смыслов над технологией и инструментарием является безусловной доминантой. Это дает основание обосновать принцип человекоориентированного подхода, ключевого принципа построения обновленной эффективной организационно-экономической модели социальной защиты.

3. Принципом, без которого предлагаемая обновленная эффективная организационно-экономическая модель социальной защиты может не состояться, является принцип прерогативы государственного интереса, в основу которого положена правовая презумпция конфискации имущества (имущественного комплекса).

В последние годы в среде политиков, ученых, юристов неоднократно поднималась проблема возвращения института конфискации как наиболее действенного средства предупреждения и борьбы с экономическими преступлениями, особенно в области легализации незаконных

²⁰ Болдырев А. Загадка «русского Сфинкса»: Блог Изборского клуба // Родная Кубань : [сайт]. URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/publitsistika/publitsistika_16913.html (дата обращения: 24.03.2026).

доходов и коррупции (Napsari et al. 2022; Bullock 2010).

Известно, что первым признаком, характеризующим преступления экономической направленности, является их корыстный характер²¹. В древнем Риме знаменитый юрист Кассиан Лонгин Равилл ввел в практику выявление преступника через установление выгоды: как правило, виноват тот, кому выгодно, отлив свой вывод в чеканную формулу: *Cui bono? Cui prodest?*

Макиавелли в трактате «Государь» указывал на ту сторону человеческой природы, которая проявляется в неизъяснимой тяге к накоплению богатства, ставит материальные блага, приобретательство на пьедестал: *«Люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества»* (Макиавелли 1990).

Следовательно, конфискация имущества являлась, является и, по всей видимости, сохранится в будущем как наиболее чувствительная для совершивших экономическое преступление и сильная сдерживающая мера наказания для лиц, расположенных к его совершению. Здесь налицо несколько видов положительных эффектов: справедливое возмездие для переступивших закон, негативный стимул для колеблющихся и удовлетворение государственного интереса.

Однако в действительности при всей очевидной пользе и необходимости для общества и государства конфискации имущества как уголовного наказания сам институт до сих пор не получил законодательной поддержки (отклонение Государственной Думой России проекта Федерального закона № 396097-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования института конфискации имущества» в 2021 году²²).

В связи с этим еще в советское время одним из опытных хозяйственников ставился вопрос: *«Почему в числе наказаний очень редко применяется возмещение материального ущерба, нанесенного государству, за счет зарплаты руководителя, если он злостный виновник потерь? Я так понимаю материальный стимул: хорошо работаешь – больше получаешь, плохо работаешь – меньше получаешь; сделал сверх положенного – премия, нанес ущерб – расплачивайся! Тут только может быть один ориентир – конечный государственный интерес»* (Парамонов 1983).

Именно государственными интересами следует руководствоваться при принятии решения о восстановлении института конфискации имущества в полном его объеме, т. к. в настоящее время действует паллиативное решение, при котором конфискация имущества пребывает не в статусе уголовного наказания, а причислена «к иным мерам уголовно-правового характера и назначается судом в обязательном порядке при имущественном ущербе или извлечении доходов от преступлений, предусмотренных ст. 104¹ УК РФ»²³.

В работах ряда ученых обосновывается необходимость включения в систему наказаний *«конфискации имущества за хищения, коррупционные, налоговые и иные преступления в сфере экономической деятельности, а также применение конфискации имущества к лицам, совершившим налоговые преступления, ссылаями на действующие уголовные кодексы стран СНГ, которые предусматривают за взяточничество (коррупцию) дополнительный вид наказания – конфискацию имущества (ст. 311, 312 УК Азербайджанской Республики, ст. 311 УК Республики Армения, ст. 430 УК Республики Беларусь, ст. 366–368 УК Республики Казахстан, ст. 303 УК Кыргызской Республики, ст. 320, 322, 323 УК Латвийской Республики, ст. 319, 320 УК Республики Таджикистан, ст. 210–214 УК Республики Узбекистан, ст. 368, 369 УК Украины)»* (Сабитова 2021).

В Концепции в целях развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма предложено совершенствовать механизмы *«конфискации и иных форм изъятия доходов,*

²¹ Кицанов Р. С. Финансовые аспекты влияния экономических преступлений на экономику России и Томской области // Молодой ученый. 2019. № 26 (264). С. 362–366.

²² Законопроект № 396097-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования института конфискации имущества» (по вопросу применения конфискации имущества в качестве дополнительного вида наказания) // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» : [официальный сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/396097-7> (дата обращения: 24.03.2026).

²³ СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

полученных преступным путем, у лиц, совершивших преступления, а также возмещения ущерба, причиненного противоправными деяниями государству, организациям и гражданам» видится через конфискацию имущества (деприватизацию имущественного комплекса), послужившего инструментом реализации преступного умысла»²⁴.

Исходя из этого, третьим принципом обновленной эффективной организационно-экономической модели социальной защиты может стать принцип прерогативы государственного интереса, а одной из основ его – правовая презумпция (императивная по форме) конфискации имущества (имущественного комплекса) в системе уголовного наказания по преступлениям в сфере экономической деятельности.

ВЫВОДЫ Проведенная оценка существующей организационно-экономической модели противодействия криминализации экономики выявила высокую степень волатильности ключевых показателей и пятикратный спад показателя по выявленным преступлениям, что позволило получить подтверждение выдвинутой гипотезы о приближении к критическому уровню стратегической неопределенности, о поступательном усилении антагонистических противоречий между сложившимися на настоящий момент организационно-экономической моделью противодействия криминализации экономики и моделью теневой экономической преступности.

В работе предложена обновленная модель противодействия криминализации экономики, названная организационно-экономической моделью социальной защиты. Концептуальные положения данной модели исходят из идеи доминанты государственного интереса, направлены на ее выдвижение в статус стандарта образцовой практики и представлены в виде принципов ее построения.

Первый принцип, принцип точности, ясности и выразительности терминологии, исходит из необходимости приведения категориальных универсалий таких, как термин-бином «противодействие–борьба», в соответствие с реалиями настоящего времени. Он устанавливает главенство «борьбы» над «противодействием», тем самым недвусмысленно показывая расстановку приоритетов в деятельности подразделений ЭБиПК МВД России в отношении криминальной экономики, а именно – *«стремление победить, то есть уничтожить, искоренить»*, а не ограничиваться только противодействием.

Второй принцип, принцип человекоориентированного подхода, основывается на идее приоритета ценностей и смыслов над технологией и инструментарием. Сегодня укрепление национальной безопасности, выход на тренд восходящей экономики и достижение высоких результатов во всех сферах деятельности является не конъюнктурными по своей сути, а самыми насущными задачами, более того, задачами цивилизационного выживания. И сдвинуть эти задачи способен буквально только триумвират – герой, гений, святой. Иными словами, без придания идеократического импульса предлагаемой модели, без подбора кадров на основе ценностных установок, без создания высокой мотивации к труду и стремления к достижению недостижимых целей существенный подъем эффективности в предлагаемой организационно-экономической модели социальной защиты не представляется возможным.

Третий принцип предполагает зафиксировать прерогативу государственного интереса и вытекающей из нее правовой презумпции конфискации имущества (имущественного комплекса). Поскольку данная мера наказания является наиболее чувствительной для совершивших экономическое преступление и служит сдерживающей для лиц, расположенных к его совершению, то введение конфискации имущества как института в полном его объеме отвечает государственным интересам и достижению целей борьбы с экономическими преступлениями.

Предложенная организационно-экономическая модель социальной защиты удовлетворяет требованиям законодательства Российской Федерации и не противоречит целевым параметрам действующей Стратегии экономической безопасности, а именно *«обеспечение экономического суверенитета Российской Федерации и устойчивости национальной*

²⁴ URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5310> (дата обращения: 24.03.2026).

экономики к внешним и внутренним вызовам и угрозам, укреплению общественно-политической стабильности, динамичному социально-экономическому развитию, повышению уровня и улучшению качества жизни населения»²⁵.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

- Вишневецкий К. В., Трофименко С. В. *О терминах «Борьба» и «Противодействие» в уголовно-правовой лексике* // Теория и практика общественного развития. 2013. № 3. С. 225–230.
- Vishnevetsky Kirill V., and Sergey V. Trofimenko. 2013. “On terminah «Bor’ba» i «Protivodejstvie» v ugovolno-pravovoj leksike” [“On the terms “Struggle” and “Counteraction” in criminal law vocabulary”] (In Russ.). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*, no. 3 (March):225–30.
- Воробьев Г. Г. *Человек – человек*. Москва : Молодая гвардия, 1975. 192 с.
- Vorobyov, Gennady G. 1975. *Man– to–man* 192. (In Russ.). Moscow : Molodaya Gvardiy.
- Головин Б. Н. *О некоторых задачах и тематике исследования научной и научно-технической терминологии* // Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия лингвистическая. 1970. Вып. 14. С. 17–26.
- Golovin, Boris N. 1970. “O nekotoryh zadachah i tematike issledovaniya nauchnoj i nauchno-tekhnicheskoy terminologii” [“On some tasks and research topics of scientific and scientific-technical terminology”] (In Russ.). *Uchenye zapiski Gor’kovskogo gosudarstvennogo universiteta [Seriya lingvisticheskaya Scientific Notes of Gorky State University. Linguistic Series]* 14:17–26.
- Макиавелли Н. *Государь* / [перевод Г. Муравьевой]. Москва : Планета, 1990. 79 с.
- Machiavelli, Niccolò. 1990. *The Sovereign* 79. (In Russ.). Moscow : Planeta.
- Парамонов И. В. *Учиться управлять : Мысли и опыт старого хозяйственника* / [предисл. Г. Х. Попова]. 4-е изд. Москва : Экономика, 1983. 168 с.
- Paramonov, Ivan V. 1983. *Learn to manage: Thoughts and experience of an old business executive* 168. (In Russ.). 4th ed. Moscow : Economics.
- Противодействие криминализации и коррупции в системе обеспечения экономической безопасности государства* : монография / Титов В. А., Литвиненко А. Н., Дончевская Л. В., Фролова О. В. [и др.] ; под общ. ред. О. В. Фроловой, Т. В. Волковой, Н. В. Мячина. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2020. 216 с.
- Frolova, Olga V., and Tatyana V. Volkova, Nikolay V. Myachin (eds.). 2020. *Protivodejstvie kriminalizacii i korrupcii v sisteme obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti gosudarstva [Countering criminalization and corruption in the system of ensuring the economic security of the state]* 216. (In Russ.). Saint Petersburg : Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universitetata MVD Rossii.
- Сабитова Е. Ю. *О необходимости включения в систему наказаний конфискации имущества за хищения, коррупционные, налоговые и иные преступления в сфере экономической деятельности* // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2021. Т. 6, № 4. С. 42–48. <https://doi.org/10.47475/2618-8236-2021-16408>
- Sabitova, Elena Yu. 2021. “O neobhodimosti vklucheniya v sistemu nakazanij konfiskacii imushchestva za hishcheniya, korrupcionnye, nalogovye i inye prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatelnosti” [“On the need to include in the system of penalties confiscation of property for embezzlement, corruption, tax and other crimes in the field of economic activity”] (In Russ.). *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law]* 6, no. 4 (December):42–8. <https://doi.org/10.47475/2618-8236-2021-16408>
- Сафин У. З. *Анализ состояния экономической преступности в России в годы кризисов и реформ* // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2015. № 5. С. 231–236.
- Safin, Ural Z. 2015. “Istoriya bor’by v SSSR s hishcheniyami socialisticheskoy sobstvennosti (k 70-letiyu OBHSS /DEB)” [“Analysis of the state of economic crime in Russia during the years of crises and reforms”] (In Russ.). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya [Business in Law. Economics and Law Journal]*, no. 5 (October):231–6.
- Тишков С. В., Алабердеев Р. Р., Латов Ю. В. *История борьбы в СССР с хищениями социалистической собственности (к 70-летию ОБХСС/ДЭБ)* // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8, № 1. С. 51–80.
- Tishkov, Sergey V., and Rais R. Alaberdeev, Yuri V. Latov. 2007. “Istoriya bor’by v SSSR s hishcheniyami socialisticheskoy sobstvennosti (k 70-letiyu OBHSS/DEB)” [“The history of the struggle in the USSR against theft of socialist property (on the 70th anniversary of the OBKHSS/DEB)”] (In Russ.). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya [Historical and economic research]* 8, no. 1 (March):51–80.
- Эмерсон, Г. *Двенадцать принципов производительности* : [Пер. с англ.]. Москва : Экономика, 1972, 223 с.
- Emerson, Harrington. 1972. *The Twelve Principles of Productivity* 223. (In Russ.). Moscow : Ekonomika.
- Abdykadyrova G. I. Special purpose language // *Humanitarian and Socio-Economic Sciences Journal*. 2021. Vol. 6, № 17. P. 57–60. <https://doi.org/10.31219/osf.io/79c35>
- Abdykadyrova, Gulzhan I. 2021. “Special purpose language.” *Humanitarian and Socio-Economic Sciences Journal* 6, no. 17 (November):57–60. <https://doi.org/10.31219/osf.io/79c35>
- Bullock K. The confiscation investigation: investigating the financial benefit made from crime // *Policing: A journal of policy and practice*. 2010. Vol. 4, № 1. P. 7–14. <https://doi.org/10.1093/police/pap030>

²⁵ СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

- Bullock, Karen. 2010. "The confiscation investigation: investigating the financial benefit made from crime." *Policing* 4, no. 1 (January):7–14. <https://doi.org/10.1093/police/pap030>
- Hapsari S. T., Madjid A., Aprilianda N. Confiscation Of Assets In Economic Crime // *Journal of Social Science*. 2022. Vol. 3, № 5. P. 1089–1100. <https://doi.org/10.46799/jss.v3i5.425>
- Hapsari, Sulvia T., and Abdul Madjid, Nurini Aprilianda. 2022. "Confiscation Of Assets In Economic Crime." *Journal of Social Science* 3, no. 5 (September):1089–100. <https://doi.org/10.46799/jss.v3i5.425>
- Kahler M. Economic security in an era of globalization: definition and provision // *The Pacific Review*. 2004. Vol. 17, № 4. P. 485–502. <https://doi.org/10.1080/0951274042000326032>
- Kahler, Miles. 2004. "Economic security in an era of globalization: definition and provision." *The Pacific Review* 17, no. 4 (January):485–502. <https://doi.org/10.1080/0951274042000326032>
- Zald M. N., Useem B. Movement and countermovement interaction: Mobilization, tactics, and state involvement // *Social movements in an organizational society : Collected Essays*. London, UK : Routledge, 2017. P. 247–272. <https://doi.org/10.4324/9781315129648-10>
- Zald, Mayer N., and Bert Useem. 2017. "Movement and countermovement interaction: Mobilization, tactics, and state involvement." In: Zald M. N., McCarthy J. D. (eds.) *Social movements in an organizational society : Collected Essays* 247–72. London, UK : Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315129648-10>